

Участие иллюстративного материала в семантизации исходной словарной единицы

Сергей И. Влахов

Un dictionnaire sans exemples est un squelette.
Larousse

Чтобы отчасти компенсировать узкую тему моего доклада, разрешите чуть расширить краткое вступление: хочется начать с близкого всем нам вопроса о лексикографическом труде — таком с виду спокойном, незаметном и вместе с тем тяжком, изматывающем, каторжном, каким видели его Скалигер в конце 16-го века и его переводчик Феофан Прокопович в начале 18-го:

Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Не посылать в тяжкие работы мест рудных:
Пусть лексикон делает — то одно довлеет,
Всех мук роды сей один труд в себе имеет.

Нелегко приходилось словарникам тех времен; и дальше нелегче. Жизни человеческой едва хватало, а то и вовсе не хватало на серьезный лексикон. Свыше полувека работал над Тольковым словарем живого великорусского языка офицер-морьяк, врач, писатель и друг Пушкина, этнограф Вл. Даль; трудно даже представить себе, какой кусок жизни отняли у Карла Вандера его немецкие пословицы, опубликованные больше века назад в пяти огромных томах; более ста лет потребовалось для выхода в свет последнего тома словаря братьев Гримм; почти на голом месте — на основе только говоримого языка и устного народного творчества учитель и дипломат Найден Геров создал уникальный толковый словарь болгарского языка . . .

Подобными подвигами, как и превосходными словарями, может наверняка гордиться чуть ни каждый народ. Но много ли обобщений этого векового труда? Много ли работ можно поставить в один ряд, допустим, с книгой Х. Касареса? По-видимому, в нашем деле теория заметно отстает от практики. И особенно в двуязычной лексикографии, не говоря уж о частных ее вопросах: сведения об иллюстративном материале собирать пришлось буквально по крупицам, опираясь в основном на опыт словарного дела.

1. Прежде чем приступить к изложению, следует несколько *уточнить тему и терминологию*.

Речь идет об участии приводимого в словарной статье иллюстративного материала и, в частности, его перевода в семантизации исходных (заголовочных) единиц (лексических, фразеологических) в переводном двуязычном словаре.

Уточнения терминологии, которой мы будем пользоваться, требуют 1) недостаточная унификация лексикографической терминологии (хорошо бы создать многоязычный словарь) и 2) использование в докладе некоторых не

строغو словарных терминов, которые могут вызвать недоумение или неверное восприятие мысли автора.

Одно из ключевых понятий в нашем изложении обозначено термином СЕМАНТИЗАЦИЯ. Этимология его может подвести лексикографа, поскольку мы придаем ему значительно более широкое значение: полное раскрытие содержания (в том числе коннотации, стиль, грамматические значения, сочетаемость, колорит и т. д.), а не одна лишь голая семантика исходной единицы.

Небольшого уточнения требует и термин ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ по причине 1) слабой «освещенности» его в теоретической литературе и 2) в связи с необходимостью в известной мере расширить и углубить представление о центральной теме доклада, хотя бы схематически наметив его виды и функции.

В обстоятельной статье о переводных словарях славянских языков Л. В. Копецкий упоминает два способа иллюстрировать описываемые единицы: путем «цитации» и «экземплификации» (Копецкий 1958, с. 77 и сл.). *Цитация*, т. е. приведение выборки из опубликованных (художественных, публицистических, научных) произведений характерна главным образом для больших, академического типа словарей и имеет целью, в первую очередь, документировать принадлежность и употребление данной единицы к исходному языку. *Экземплификация* предполагает семантизацию исходной единицы при помощи примеров — «кусков» связного текста, сконструированных самим лексикографом. Чаще всего это словосочетания или, реже, короткие предложения, в которых лексикографируемое слово помещают в наиболее характерную, привычную для него речевую среду.

Здесь стоит упомянуть и семантизацию при помощи «свернутых примеров» — наводящих слов (обычно в скобках после соответствующих эквивалентов), своеобразных заготовок, на основе которых читатель сам строит иллюстративный пример, приводящий к осознанию «опознавательных знаков» исходной единицы. Очень четко их использование прослеживается в Большом русско-чешском словаре (1952—1962).

Из функций иллюстративного материала, обобщая, отметим следующие: 1) *документирующую*, т. е. удостоверяющую существование в языке-источнике данной единицы, 2) *собственно иллюстрирующую*, показывающую ее место в контексте, ее «жизнь» в связной речи и 3) *семантизирующую*. Последнюю следует оговорить в том смысле что она исполняет лишь *часть функций семантизирующей системы* словарной статьи, включающей все элементы последней (за исключением, разумеется, заголовочной единицы).

Уточнению подлежит и термин ЭКВИВАЛЕНТ, несмотря на его широкое применение в лексикографии и переводоведении. В дефиниции Я. И. Рецкера, это «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» (Рецкер 1974, с. 10—11). Несмотря на неточность: обозначающее (эквивалент = «равноценный», «равнозначный») не всегда отражает обозначаемое, на что указывает и существование терминов «полный» и «частичный», «абсолютный» и «относительный» эквивалент, будем пользоваться этим термином в значении приведенного в статье соответствия исходной единицы.

Само собой разумеется, что в *переводном словаре* семантизация заголовочной единицы осуществляется в основном средствами *перевода*. Широко известный и во многом основательный скептицизм к его возможностям в этой роли (*les belles infidèles; traditore traduttore*) Ю. Найда абсолютизирует, утверждая, что «нет точных соответствий между соотносимыми словами в разных языках» (Найда 1962, с. 50). По отношению к лексикографической работе еще категоричнее Л. В. Щерба: «... переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться о их смысле в контексте» (Щерба 1958, с. 87).

Несмотря на эти и десятки других высказываний, отвергающих перевод как средство воспроизведения на другом языке чужое слово, иноязычный текст, переводческая и лексикографическая практика, в общем, неплохо справляются с этим делом. Оставив в сторону вопросы художественного перевода с опровергнутой в практике «теорией непереводаемости», вернемся к нашим словарям и рассмотрим возможности средств перевода в лексикографической работе.

II. На семантизацию посредством перевода находим немало созвучных с нашими воззрений в лексикографических работах выдающегося советского словарника В. П. Беркова: «В идеале, — пишет он — переводящий эквивалент... должен сообщать всю ту и только ту информацию, которую сообщает переводимое слово, т. е. совпадает с ним по всем характеристикам»; и вместе с тем «Строго говоря, почти всегда... даже наиболее тщательно подобранный эквивалент — известный компромисс...» (Берков 1977, с. 112).

Итак, семантизацию средствами перевода осуществляют прежде всего путем воспроизведения заголовочного слова (фразеологизма) *эквивалентом*, т. е. соотносительной единицей языка-цели; та и другая — в исходной форме. Однако, поскольку «компромиссный» эквивалент не в состоянии справиться «в одиночку» с этой задачей, его несовершенства стараются компенсировать средствами вышеупомянутой *семантизирующей системы* в целом, используя синонимы эквивалента, *аналоги*, различные виды *толкования*, *пометы*, *комментарии*, в том числе этнокультуроведческие, описания *ситуации*, указания на *частотность*, *дистрибутивные возможности*, в отношении фразеологизмов — *кальки*, *буквальный перевод* и, наконец, *иллюстративный материал* с его *переводом*.

Таким образом, в двуязычном словаре у нас получается *два перевода* исходного слова: один — **словарный**, или гнездовой, представленный эквивалентом, и **контекстуальный** — в примере или цитате, отражающий значение исходной единицы в живой речи. Первый, т. е. словарный эквивалент, должен в теоретическом плане, представлять собой «среднее арифметическое» всех возможных переводов лексикографируемой единицы, а второй, в примере, — лишь один из возможных, но 1) типичный для иллюстрируемого значения и 2) оптимальный для данного контекста. Соответственно возникают и два значения заголовочной единицы — *словарное* и *контекстуальное*.

С лексикографической точки зрения, непереводаемых слов нет: если не однословным соответствием (эквивалентом), то двумя-тремя-четырьмя словами, словосочетанием, фразой можно воспроизвести на языке-цели любое значение. И все же изъяны (неполнота, неточность) такого перевода часто

бывают весьма значительны. Правда, словарь, рассуждая опять-таки в строго лексикографическом плане, не ставит себе задачей обеспечивать переводчику готовый для его работы строительный материал, т. е. языковые средства, которые он мог бы в готовом виде взять из словарной статьи и вставить в свой перевод художественного текста: самый добронамеренный лексикограф не смог бы и в многотомном словаре исчерпать существующие контекстуальные значения интересующей переводчика единицы. (Некоторое, очень приблизительное, представление о количестве допустимых контекстов может дать «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка», в котором 2500 словарных статей и который по объему немного уступает словарю С. И. Ожегова, содержащему 57.000 слов, причем сочетаемость в первом указана отнюдь не исчерпывающе. А ведь переводной словарь такого рода был бы вдвое больше.) Тем не менее, двуязычный словарь — это в любом случае справочник и основной его потребитель — переводчик; а на это ни один автор словаря не может смотреть единственно со своей лексикографической колокольни. Отсюда и принятое в двуязычной лексикографии насыщение словарной статьи необходимым иллюстративным материалом. «Словари, лишенные иллюстративного материала, имеют весьма ограниченную пригодность, а часто даже вводят в заблуждение» (Глисон 1959, с. 96—97).

III. Сказанное, конечно, известно лексикографам и едва ли вызовет возражения. Однако разногласия могут возникнуть в связи с приемами перевода примеров и цитат и, в частности, с использованием в них эквивалентов как носителей словарного значения. Поскольку для некоторых авторов вопрос является спорным, хотелось бы особо привлечь к нему ваше внимание.

Как правило, иллюстрировать следовало бы все: жизненно важно гербаризированное в качестве заголовочной единицы слово оживить соками полнокровного контекста. Даже термины при их однозначности получают в контексте более четкие очертания несмотря на то, что значение выражено эквивалентом. Что касается остальной лексики, не обладающей качествами термина, то в иллюстрирующих ее контекстах одного эквивалента будет явно недостаточно — требуется более широкая гамма соответствий. С другой стороны, если в переводе примера эквивалент, т. е. «официальный», «законный» носитель словарного значения останется за бортом, то получится с виду парадоксальное положение: семантизируя, допустим, англ. wash, приведенное в англо-русском словаре с эквивалентами «мыть; обмывать; промывать», лексикограф, как бы противореча себе, переводит его в контексте другими лексемами, например to wash one's mouth «полоскать рот».

Впрочем, парадокса, конечно, нет, поскольку, как не существует безразмерной обуви, которая была бы всякому по ноге, так нет и словарных эквивалентов на все случаи жизни, которые можно было бы ввести в перевод любого примера. А поговорка «на босую ногу всякий башмак впору» в словарном деле неприменима.

Перевод, как было сказано, является одним из средств семантизации исходной единицы: *словарный* — при помощи ее эквивалента (эквивалентов), *контекстуальный* — путем адекватного воспроизведения иллюстрирующего ее текста. Присутствие эквивалента в контекстуальном переводе наблюдается в нашей лексикографической практике при нижеизложенных положе-

ниях. При единственном эквиваленте в словарной статье включаем его при желании подчеркнуть привычное употребление (узус), особую, отличающуюся от оригинала, сочетаемость, употребление иных грамматических категорий и т. д. Вот несколько примеров из Русско-английского словаря: в *узуальных сочетаниях* — *лицо* (в 3-м знач). *person*, *частное лицо* *private person*, *юридическое лицо* *judicial person*; в *предложных сочетаниях* — *любовь* *love*, *жениться по любви* *marry for love*, *любовь без взаимности* *unrequited love*; с *изменением части речи ожерелье* *necklace*, *жемчужное ожерелье* *pearl necklace*, *озеро* *lake*, *соленое озеро* *salt lake*. К слову сказать, изменение частей речи, например, превращение существительного в прилагательное, глагол — в отглагольное существительное, или наоборот, один из характерных приемов адекватного перевода.

При двух и более синонимах эквивалента последний используют в переводе примера и в целях «контекстуального выбора» — чтобы подсказать наиболее подходящий из них для данного контекста.

Наконец, в отношении *семантизации устойчивых сочетаний* во фразеологическом словаре, эквиваленты включаются в перевод примера относительно реже ввиду характерной для фразеологизмов «многооттеночности».

В остальном нет особых оснований для введения словарного эквивалента в контекстуальный перевод. Эта тенденция хорошо сформулирована в предисловии к французско-русскому фразеологическому словарю В. Г. Гаком и Я. И. Рецкером: «Иллюстративные примеры подбирались с таким расчетом, чтобы перевод фразеологизма в них не повторял, а дополнял гнездовой перевод». По нашим наблюдениям, этому принципу следуют если не все, то большая часть советских и болгарских двуязычных словарей.

Оформляя контекстуальный перевод, лексикограф у нас стремится прежде всего придать семантизирующему тексту наиболее привычное для носителя языка-цели «звучание», т. е. дать адекватный перевод, как бы даже абстрагируясь от основной цели — раскрытия содержания конкретной единицы. При таком подходе прибегают обычно к тем или иным из хорошо известных в теории перевода приемам *лексических трансформаций*: дифференциации, конкретизации или генерализации значения, антонимическому переводу, нулевому переводу и т. д., хорошо разработанных в свое время Я. И. Рецкером (Рецкер 1974, с. 38—63); некоторые из нижеприведенных примеров взяты из его книги.

Франц. *morceau* переведено в словаре эквивалентами «кусок, кусочек; лоскут»; а в переводе словосочетаний, напр., *mettre en morceaux*, нет ни одного из словарных переводов: «разорвать в клочья; разбить вдребезги». Более того — эти сочетания не взаимозаменяемы: в широком контексте переводчику придется делать выбор между ними, а, возможно, и искать других вариантов.

Приемы конкретизации и генерализации часто применяют в обязательном порядке при переводе так называемой *недифференцированной лексики* (типа *arm, hand; bras, main* — рука).

Подчеркнем особо: к лексическим трансформациям прибегают не только по принуждению, т. е. когда в языке-цели отсутствуют соотносительные единицы; не менее часто это делают из стилистических соображений, отбирая оптимальный вариант для данного конкретного высказывания. Так, для

цитаты «The woman at the other end asked him to hang on», иллюстрирующей глагол to hang on, предпочитают антонимический перевод «... попросила его не класть трубку» (прежде сказали бы «не вешать трубку»), в то время как вполне годится и перевод «... попросила его подождать у телефона» — тоже не дословный перевод, а применен другой прием (конкретизация значения); но первый вариант лучше, привычнее.

И, в заключение, еще один случай возможного применения контекстуального перевода без эквивалента, но уже из чисто лексикографических соображений. Идет речь о разработке в словаре *полисемических* слов, в которых одни значения совпадают, а другие расходятся (наблюдается чаще в близкородственных языках). Отступая из практических соображений от принципа отражать и такие слова во всей полноте их содержания, т. е. приводить все значения, фигурирующие в толковом словаре языка-источника, в современной двуязычной лексикографии принято комбинировать представленные одним эквивалентом значения, как бы сводя их к одному. Однако, чтобы указать на неоднозначность такого «сводного» значения, для их разграничения целесообразно подыскивать достаточно яркие примеры с контекстуальным, обычно исключаящим словарный эквивалент переводом. Такая «контекстуальная дифференциация значений» должна быть (у нас нет собственного опыта) особенно важной для тех словарей, в которых значения полисемических слов в словарной статье не отдифференцируются путем нумерации значений.

Представленные нами наблюдения могли бы дать основания для следующих выводов:

1. Будучи частью семантизирующей системы в словарной статье, иллюстративный материал и, в частности, его перевод способствует более полному и верному раскрытию значений лексикографируемой единицы.

2. Эквивалент, являющийся как бы «вытяжкой» из всех значений исходной единицы, желательно конкретизировать и дополнять, привлекая к переводу примеров и цитат новые языковые средства.

3. Перевод иллюстративного материала, сделанный с учетом известных в переводоведении теоретических обобщений, исполняет намного действеннее свою семантизирующую функцию. Отсюда — желательность знакомства лексикографов с принципами теории перевода общей и частной (для данной пары языков).

Библиография

Словари

Большой англо-русский словарь. Т. 1—2. Москва, 1972.

Большой русско-чешский словарь. Т. 1—5. Прага, 1952—1962.

Словарь русского языка. Ок. 57.000 слов. 1981. Ожегов С. И. Москва.

Русско-английский словарь. Москва, 1985.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. Ок. 2500 сл. ст. Москва, 1978.

Остальная литература

- Берков В. П. 1977. *Слово в двуязычном словаре*. Таллин.
- Гак В., Я. Рещкер. 1963. «О французской фразеологии и французско-русском фразеологическом словаре.» — В: *Французско-русский фразеологический словарь*. Москва, с. 4—14.
- Глисон, Г. 1959. *Введение в дескриптивную лингвистику*. Москва.
- Касарес, Х. 1958. *Введение в современную лексикографию*. Москва.
- Копецкий Л. В. 1958. «Двуязычный словарь славянских языков. (На материале русско-чешского и чешско-русского словарей).» — *Вопр. яз.* 1958, кн. 3, с. 76—89.
- Найда Е. А. 1962. «Анализ значения и составление словарей.» — *Новое в лингв., вып. II*. Москва, 1962. с. 45—71.
- Редкер Я. И. 1974. «Перевод фразеологических единиц.» — В: *Теория перевода и переводч. практ.* Москва, с. 145—169.
- Щерба Л. В. 1958. «Опыт общей теории лексикографии.» — В: *Избр. раб. по языкозн. и фonet., т. I*. Ленинград. с. 54—91.